

DOI: 10.31857/S086919080007014-2

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СУДАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

© 2019

А. А. БЛИНОВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9694-8706; progrock1@yandex.ru

Резюме: В статье рассматривается языковая политика британских колонизаторов в Судане в первой половине XX в. Ее реализация обуславливалась чрезвычайно сложной и запутанной этнолингвистической ситуацией в стране, где на обширной территории использовались более 60 языков коренных народов и арабский язык (как литературный, так и его суданский диалект), а также новообразованный джубайский пиджин-арабик, являвшийся упрощенной смесью египетского и суданского диалектов. Позже джубайский пиджин развился в отдельный язык межнационального общения в Южном Судане. Кроме того, колонизаторы стремились привить местному населению Южного Судана английский язык, стремясь таким образом разделить Судан на две части и не допустить исламизации и арабизации юга страны.

Таким образом, к началу XX в. этнолингвистическая ситуация в Судане отличалась неоднородностью и неустойчивостью, что обуславливало необходимость принятия срочных мер языкового регулирования. Выработка единой языковой политики была возложена на британскую колониальную администрацию, контролировавшую Судан с 1899 по 1956 г.

Колониальная «Южная политика» была предназначена для формирования двух отдельных социополитических типов идентичности: арабо-мусульманской северной и англо-христианской южной. Реализация этой политики предусматривала, помимо прочего, создание в Южном Судане жестко регламентированных и кодифицированных социолингвистических условий, в которых арабский язык и ислам были лишены права на существование, а приоритет получал английский язык. В частности, в рамках этой политики на юге страны ограничивалось использование арабского языка в школах и официальным выходным днем стало воскресенье (в соответствии с христианской традицией). Кроме того, строго регулировались форма одежды и практика присвоения имен, что привело к отказу от использования арабских имен и одежды в Южном Судане.

В работе также выявляются особенности функционирования миссионерских обществ в Судане, деятельность которых предвещала введение «Южной политики»; анализируются ее основные этапы, рассматриваются результаты Реджафской языковой конференции 1928 г., на которой впервые был выработан единый научный подход к разрешению сложной языковой ситуации в Судане.

Ключевые слова: Судан, Северный Судан, Южный Судан, арабский язык, джубайский арабский, английский язык, языковая политика, языковая ситуация.

Для цитирования: Блинов А. А. Языковая политика Судана в первой половине XX в. *Восток (Oriens)*. 2019. № 5. С. 161–173. DOI: 10.31857/S086919080007014-2

LANGUAGE POLICY OF SUDAN
IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

© 2019

Andrey A. BLINOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9694-8706; progrock1@yandex.ru

Abstract : The paper reviews the language policy of British colonizers in Sudan in the first half of the 20th century. Its implementation was caused by an extremely complex and complicated ethnolinguistic

situation in the country, where more than 60 indigenous languages were used on the vast territory along with the Arabic language (both in the literary form and in form of Sudanese Arabic) and the newly formed Juba Arabic pidgin representing a simplified mixture of Egyptian and Sudanese Arabic. Later Juba Arabic evolved into a separate lingua franca in South Sudan. Besides, colonizers themselves strove to impose English on the local population of South Sudan, seeking to divide Sudan into two parts and prevent the development of Islam and Arabic in the South of the country.

Thus, by the beginning of the 20th century the ethnolinguistic situation in Sudan was heterogeneous and unstable, which required the adoption of urgent measures for language regulation. The formation of the uniform language policy was laid upon the British colonial administration, which controlled Sudan from 1899 to 1956.

The colonial Southern Policy was designed for forming two independent socio-political identities: northern Arabic-Muslim and southern English-Christian. The implementation of this policy stipulated, among other things, the creation of highly regulated and codified sociolinguistic conditions in South Sudan under which Arabic and Islam had no right to exist and English took priority. In particular, this policy in the South restricted the use of Arabic in schools and introduced Sunday as an official holiday (in accordance with Christian tradition). Besides, dress codes and naming practices were regimented, which led to the abandoning of Arabic names and clothes in South Sudan.

This paper also clarifies the peculiarities of operation of missionary societies in Sudan, whose activities preceded the introduction of the Southern Policy, analyzes its main stages, describes the results of the Rejaf Language Conference of 1928 that was the first to work out a unified scientific approach to the settlement of the complex linguistic situation in Sudan.

Keywords: Sudan, North Sudan, South Sudan, Arabic language, Juba Arabic, English language, language policy, linguistic situation.

For citation: Blinov A. A. Language Policy of Sudan in the First Half of the 20th Century. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 5. Pp. 161–173. DOI: 10.31857/S086919080007014-2

Языковая ситуация, сложившаяся в Судане на рубеже XIX и XX вв., характеризовалась чрезвычайной этнической пестротой и многообразием. В северной части страны, на границе с Египтом, господствовал арабский язык, который использовался здесь как в литературной форме (например, в качестве языка государственного официального делопроизводства), так и в виде суданского диалекта, на котором говорило большинство жителей Северного Судана.

В южных районах доминировали языки местных народов – динка, нуэр и др. С XVIII в. сюда начал проникать и арабский – благодаря торговцам из Северного Судана («мондокоро») [Dhahawi, 2016, p. 11]. В годы турецко-египетского правления (1820–1885) в Судане заметно выросло число арабов, занимавшихся работоторговлей; отношения между южанами и северянами обострились, поэтому возможность добровольной и мирной ассимиляции двух регионов была упущена и распространение арабского языка в Южном Судане замедлилось.

Примерно в то же время на юге Судана начал распространяться так называемый джубайский арабский (пиджин-арабик) – упрощенная смесь египетского и суданского диалектов, на которой говорили военнослужащие турецко-египетской армии, захватившей большую часть территории Судана в 1819–1822 гг. Позже джубайский пиджин развился в отдельный язык межнационального общения в Южном Судане.

Таким образом, к началу XX в. этнолингвистическая ситуация в Судане отличалась неоднородностью и неустойчивостью, что обуславливало необходимость принятия срочных мер языкового регулирования. Выработка единой языковой политики была возложена на британскую колониальную администрацию, контролировавшую Судан с 1899 по 1956 г.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА БРИТАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ (НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД)

Отправной точкой для начала британского колониального господства в Судане можно считать заключение соглашения между Великобританией и Египтом о совместном управлении Суданом, которое было подписано 19 января 1899 г. Этот период получил условное название «англо-египетский кондоминиум». Упоминание Египта в заголовке соглашения со стороны Британской империи стал «жестом учтивости», который должен был показать, что колониальная система правления основывалась на мусульманских ценностях (одной из которых считался арабский язык) и что англичане пришли в страну ради «блага» местных жителей и потому будут беречь их религиозное наследие.

Впрочем, несмотря на закрепленные соглашением обязательства по совместному управлению Суданом, англичане фактически осуществляли руководство страной самостоятельно, уделяя основное внимание освоению северных областей и оказывая всемерную поддержку арабскому языку и мусульманским учреждениям. В то же время южная часть страны оставалась малоразвитой вплоть до окончания Первой мировой войны [Abdelhay et al., 2011, p. 466]. Колонизаторы объясняли это тем, что юг не готов к знакомству с современным миром, поэтому должен развиваться и управляться самостоятельно без внешней помощи, а становление местных автохтонных языков должно проходить независимо от других лингвистических влияний. По этой причине англичане закрыли регион для посторонних, ограничив экономические и языковые контакты с другими провинциями Судана. Немногочисленные торговые операции оставались прерогативой арабских купцов, а законодательство было отдано на откуп арабским госслужащим, благодаря деятельности которых арабский язык продолжал просачиваться на юг страны.

Поскольку правительство метрополии не смогло установить строгий контроль над южным регионом, для него также не была выработана четкая языковая и образовательная политика. Тем не менее на самой ранней стадии колониального управления именно арабский язык, унаследованный от режима махдистов¹, рассматривался британскими властями как подходящий бюрократический инструмент, который можно было использовать в их интересах. За исключением британского инспектора, недоступного для рядовых южан, все остальные представители колониальной власти, с которыми жителям юга приходилось общаться (в том числе тюремные надзиратели), говорили на арабском, являвшемся для них родным или вторым языком, выученным в раннем возрасте. Поэтому южане, стремившиеся казаться «цивилизованными», перенимали особенности речи и манеру общения должностных лиц как образец для подражания, и знание арабского стало практически неотъемлемой частью жизни южносуданцев, желавших получить высокий пост в местной администрации [Sanderson, Sanderson, 1981, p. 78].

Однако вскоре колониальный режим полностью изменил свою политику в Южном Судане, что выразилось, в частности, в резком неприятии арабского языка и в отказе от избранной ранее языковой политики как не соответствовавшей этнолингвистической идеологии Британской империи, реализовывавшейся на захваченных территориях. Кроме того, первые годы существования англо-египетского кондоминиума были также отмечены появлением на юге страны миссионеров, в то время как их деятельность на севере была запрещена. Помимо насаждения христианства на покоренной территории в их обязанности входила поддержка местных наречий наряду с распространением среди южносуданских племен английского языка.

¹ Странники вождя освободительного движения в Судане Мухаммада Ахмада, объявившего себя «Мах-ди» (мессией). Выступали за внедрение шариата во всех сферах жизни.

В период между 1904 и 1918 гг. колониальными властями было принято решение постепенно заменить в Южном Судане арабский язык на английский – язык образования. Система колониального образования на юге начала развиваться позже, нежели на Севере, что можно объяснить рядом причин. Прежде всего, из-за озабоченности англо-египетской администрации вопросами безопасности именно этой сфере уделялось повышенное внимание, и большая часть имевшихся средств расходовалась на кампании по восстановлению и поддержанию мира в Судане. В результате образовательные инициативы на юге были практически лишены государственной поддержки. Ответственность за систему обучения на покоренной территории была возложена на христианских миссионеров, и политика, проводившаяся Британской империей в тот период, напоминала практику государственного невмешательства в образование, практиковавшуюся в Викторианской Англии [Rondyang, 2007, p. 71]. Поскольку формирование языковой политики в колонизированных странах Африки, как правило, следовало непосредственно за назначением администрации и созданием образовательной системы, отсутствие интереса англо-египетского правительства к организации обучения в Южном Судане означало, что решение языкового вопроса откладывалось на неопределенный срок.

Обсуждение возможного языка обучения и трудоустройства образованных южан затянулось более чем на два десятилетия. Колониальные власти пытались найти альтернативу арабскому языку и препятствовали привлечению мусульманских учителей к образовательному процессу на юге. В результате длительных консультаций между британскими служащими в Хартуме, Каире и Лондоне было принято решение «ничего не предпринимать» из-за отсутствия четко определенной языковой политики и планов развития Южного Судана и предоставить монополию на просветительскую деятельность христианским миссиям. Для миссионеров языковая проблема не стояла столь остро, поскольку они предпочитали использовать местные языки для чтения проповедей и обучения библейским истинам. Они также старались распространять английский язык среди населения, не получая содействия и материальной помощи от правительства. Лишь в середине 1920-х гг. взаимодействие между миссионерскими обществами и колониальными властями заметно усилилось, что привело к повышению качества образовательных услуг в Южном Судане.

Таким образом, миссионерские общества могут по праву считаться первопроходцами в области языкового планирования на территории Судана, хотя их работа на данном поприще оказалась недолговечной из-за нестабильности политической ситуации в стране. Тем не менее именно миссионеры первыми начали изучать, развивать и использовать местные языки в тех районах, где они развернули свою деятельность, для преподавания Евангелия и таких предметов, как грамматика этих языков и математика. В большинстве случаев решение о выборе языка обучения принималось в произвольном порядке [Ibid., p. 115]. Некоторые языки навязывались миссионерам колониальными властями с целью их включения в общеобразовательные программы, что еще больше усложняло ситуацию.

Заслуга миссионерских обществ в исследовании лингвистических проблем не только Судана, но и всей Африки неоспорима. Несомненно, тем немногим, что было сделано для развития местных языков, Африканский континент обязан именно миссионерам. Все остальные – колониальные власти, международные организации, например ЮНЕСКО, и национальные правительства – лишь следовали за ними в деле языкового регулирования и образовательной политики.

Интересно, что политика цивилизации юга через миссионеров представлялась более революционной в культурном отношении, нежели арабизация, поскольку «мусульманское образование в большинстве случаев дополняло существовавшие до него культурные традиции, в то время как христианство было направлено на полную замену старого порядка новым мировоззрением, ориентированным на Запад» [Deng, 1995, p. 84], демон-

стрируя тем самым, что настоящий прогресс может быть достигнут только благодаря христианству. Однако и у этого подхода были свои недостатки: хотя миссионерская школа считалась основным средством продвижения западных ценностей в сфере образования (особенно в Африке), в действительности она пропагандировала религиозную доктрину, уже рассматривавшуюся как анахронизм на Западе, где местное общество стало по большей части светским. Кроме того, миссионерские школы уделяли основное внимание изучению Священного Писания и основ грамоты, которые хотя и были необходимы, но ограничивали диапазон знаний, получавшихся учениками, не обладавшими навыками в сферах науки, финансового управления и технологий. Все это вело к экономической отсталости и зависимости африканских народов от Запада.

В то же время на севере Судана британцы продолжали культивировать мусульманские ценности. Джон Спенсер Тримингем, секретарь Церковного миссионерского общества, в этой связи отмечает:

«Правительство, пришедшее к власти в Судане, отказалось от политики религиозного нейтралитета (проводимой, например, в Индии), рассудив, что страна с мусульманским правительством должна считаться мусульманской. Например, было принято решение о том, что, поскольку ни одно мусульманское правительство не стало бы разделять светскую и религиозную стороны жизни, особенно в сфере образования, система обучения должна основываться на исламе, а не на светских ценностях. При этом совершенно не рассматривалось, подходит ли ортодоксальный ислам с его строгими догматами и установками для организации современной образовательной системы. Таким образом, суданцы, которые никогда не проявляли большого интереса к традиционному исламу, должны были превратиться в группу ортодоксальных мусульман» [Trimingham, 1948, p. 25].

Он также добавляет:

«... местное правительство оказало большое влияние на распространение ислама среди язычников – не столько благодаря намеренному покровительству, сколько за счет административной и религиозной политики, которая служила поддержкой мусульманам. Официальное признание ислама, почитание мусульманских праздников, утверждение пятницы в качестве выходного дня – все это повышало авторитет мусульман в глазах язычников; распространению ислама также способствовали такие факторы, как деятельность мусульманских госслужащих и торговцев во внутренних районах страны, введение арабского языка в качестве государственного в Нубийских горах и комплектование мусульманской армии язычниками» [Ibid., p. 29].

Две вышеприведенные цитаты имеют большое значение, поскольку они отражают особенности регламентирования ислама и арабского языка как единого целого в рамках официальной политики, а также показывают истоки установления религиозного образования в Судане в качестве продукта британской колониальной системы. По словам суданского ученого Ашрафа Кямаля Абдельхей, «колониальная политика в Судане привела к политизации арабского языка и арабизации политики» [Abdelhay et al., 2011, p. 467]. В колониальный и постколониальный периоды арабский язык, ислам и арабизм стали рассматриваться в качестве определяющих характеристик «северной идентичности». Тем не менее изначально арабский язык не служил в Судане показателем «северной мусульманской идентичности», и возникновение этой идентичности было обусловлено колониальной и постколониальной лингвистической политикой.

Доминирование арабского языка в Северном Судане было всеобъемлющим, в то время как местные автохтонные языки зачастую оказывались совершенно обойденными вниманием. Лингвистическое описание основных северных языков Судана, например нубийских или беджа, практически не проводилось; отсутствовали программы преподавания языков коренных народов в районах с преимущественно мусульманским населением; не издавались учебники для начального обучения и не предпринимались попытки

стандартизации или кодификации местных языковых явлений. В результате, кроме как в районе Нубийских гор, в Судане так и не появились региональные северные движения, способствующие продвижению локальных автохтонных языков [Abdelhay, 2015, p. 266].

Район Нубийских гор стал самостоятельной провинцией в 1914 г. и оказался в ведении Объединенной миссии Судана – евангелистского протестантского объединения из Новой Зеландии и Австралии. Правительство рекомендовало миссии организовать систему обучения по образцу созданной в Южном Судане и выработать «Нубийскую политику» для формирования нубийской идентичности. Как и в Южном Судане, была предпринята попытка сформировать языковые группы, чтобы объединить изолированные общины и подтолкнуть использование латинского алфавита для записи арабских слов и выражений. Утвержденная программа языкового регулирования для Нубийских гор была включена в «Меморандум об образовательной политике в языческом районе Нуба», принятый в 1930 г. Однако «Нубийская политика» столкнулась с множеством проблем, главный из которых была подвижность этнических границ в регионе. В результате «Нубийская политика» в 1934 г. была упразднена и основным языком обучения стал арабский на основе арабицы.

«ЮЖНАЯ ПОЛИТИКА» (1920–1930-е гг.)

Наиболее важные направления языковой политики в колониальный период были разработаны в рамках так называемой Южной политики кондоминиума, официально очерченной в Меморандуме 1930 г., но начавшей применяться еще в 1920-х гг. Она заключалась в следующем:

«Политика правительства в Южном Судане состоит в создании целого ряда расовых или племенных объединений с развитой структурой и организацией на основе обычаев, традиций и верований автохтонных народов в той мере, в какой это допускается требованиями справедливости и добросовестного управления государством... Важнейшим элементом общей схемы является ограничение употребления арабского языка... Арабский язык, не являясь ни языком правителей, ни языком подчиненных, будет постепенно вырождаться. Ярким свидетельством этого служит современная разговорная разновидность арабского языка. Она может использоваться только как средство коммуникации по самым простым темам и лишь в случае ее повторного изучения в менее грубой форме и принятия в качестве языка школьного обучения, при условии, что она сможет соответствовать растущим требованиям. С другой стороны, местный... или английский язык в каждом конкретном случае будет являться языком одного из двух собеседников, причем один из них будет всегда улучшать знание другого» [Abdel-Rahim, 1965, p. 20–23].

В этом утверждении можно выделить три ключевых момента. Во-первых, колониальная «Южная политика» была предназначена для формирования двух отдельных социополитических типов идентичности: арабо-мусульманской северной и англо-христианской южной. Как видно из текста Меморандума, колониальный проект подразумевал становление племенных или расовых идентичностей, закрепленных за определенным местом. Реализация этой политики предусматривала, помимо прочего, создание в Южном Судане жестко регламентированных и кодифицированных социолингвистических условий, в которых арабский язык и ислам были лишены права на существование.

В этой связи известный южносуданский политик и интеллектуал Бона Малвал отмечает, что «в некоторых христианских миссионерских школах на юге Судана преподаватели, например, изображали арабский как недостойный язык по сравнению с английским или итальянским. Бывали случаи, когда общение на арабском языке в любой южной школе могло наказываться отчислением из нее» [Malwal, 1981, p. 35]. Он также пишет, что «в миссионерских школах южане воспитывались как христиане. В этих школах, яв-

лявшихся единственно доступными учебными заведениями, христианство представлялось как исключительная религия, превосходящая все остальные. Исламу был запрещен свободный доступ в южные деревни в отличие от христианства» [Ibid., p. 35–36].

Во-вторых, в рамках колониальной «Южной политики» в качестве обоснования для защиты создававшихся «самостоятельных расовых или племенных объединений», языков и культур от любой формы «загрязнения» использовались такие понятия, как «автохтонность» и «опасность исчезновения». Юг Судана рассматривался как отдельный регион, застывший во времени и не сравнимый ни с севером страны, ни с западным миром. Последствия таких проектов вмешательства во внутреннюю жизнь и уклад других государств до сих пор ощущаются в большинстве бывших британских колоний, например в Нигерии.

В-третьих, «Южная политика» была действительно направлена на отстаивание интересов местных общин, что выражалось в необходимости развития различных расовых и племенных структур, как это указано в тексте Меморандума. Об этом свидетельствует и частота упоминания термина «автохтонный» (indigenous) в англоязычных государственных документах юга и севера страны (например, в мирных соглашениях) применительно к языкам и культурам Южного Судана, поэтому можно заключить, что самобытность коренных народов официально признавалась на самом высоком уровне.

Британский колониальный режим разработал специальные стратегии и меры по обеспечению культурного своеобразия севера и юга страны. Одной из таких стратегий было установление для двух регионов различных выходных дней. В отличие от Северного Судана, где официальным выходным днем стала пятница (что соответствовало мусульманским традициям), на юге в качестве такового было введено воскресенье (что соответствовало христианским традициям).

Еще одним важным шагом в контексте проведения «Южной политики» стало издание в 1929 г. Указа о закрытых районах, предназначенного для ограничения распространения северных культурных символов (арабского языка и ислама). Указ вводил строгий запрет для северян на посещение юга Судана и Нубийских гор без предварительного разрешения колониальных властей. Тем не менее это решение не достигло намеченной цели из-за противоречивости британской политики: в то время как колониальные власти делали все возможное, чтобы предотвратить распространение арабского языка в Южном Судане, их экономическая политика способствовала расширению связей между южносуданскими племенами и их северными соседями [Mugaddam, 2013, p. 183]. Трансформация местной экономики в капиталистическую вынуждала южных производителей экспортировать свою продукцию на ближайшие рынки, находившиеся на севере Судана, где им неминуемо приходилось общаться с арабоязычными торговцами, причем на арабском языке, поэтому проникновение арабского в южные районы страны усиливалось.

Одной из директивных мер стало регламентирование на юге формы одежды и практики присвоения имен, что привело к отказу от использования там арабских имен и одежды.

Очередным этапом проведения «Южной политики» стало принятие Судебного акта о вождах, фактически закреплявшего в Южном Судане власть местной племенной верхушки. В 1918 г. была введена программа косвенного управления путем возложения административной ответственности на местных лидеров. В лингвистическом отношении это означало использование местными органами власти автохтонных языков.

Официальное узаконивание власти племенных вождей облегчило принятие местным населением системы христианского образования. Как справедливо отмечает южносуданский политик и дипломат Фрэнсис Денг, «по мере того как южане наблюдали за работой англичан, положительно оценивали ее и начинали доверять им, они становились более восприимчивыми к их нововведениям. Именно тогда стала приносить свои плоды мис-

сионерская деятельность, которую южане связывали с правительством и которой они изначально сопротивлялись» [Deng, 1995, p. 83].

Поскольку каждый миссионер работал на определенной территории, соответствующий язык начинал ассоциироваться именно с ней, что способствовало укреплению идей XIX в. о взаимосвязи языка, местоположения и христианской религии, активно распространявшейся в различных районах Африки. Некоторые миссионеры самостоятельно занимались нормированием языков, находившихся в их «сфере влияния», поэтому один и тот же язык мог иметь разную орфографию, что создавало предпосылки для возникновения разночтений и несоответствий.

Важным событием, связанным с реализацией «Южной политики», стала Реджафская языковая конференция, выводы которой были опубликованы в 1928 г. в специальном отчете.

РЕДЖАФСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (1928 г.)

Конференция состоялась в г. Реджаф (провинция Мангалла, Южный Судан). Цель конференции заключалась в следующем:

1. Распределение местных языков по группам.
2. Определение их статуса.
3. Создание единой системы орфографии для различных языков.
4. Учреждение комитета для подготовки школьных материалов по обучению языкам.

Судан – далеко не единственная страна, где Великобритания прибегала к такому инструменту, как проведение различных мероприятий для обсуждения языковой политики; подобные конференции проходили, например, в Родезии. Обычно в таких форумах участвовали колониальные администраторы, миссионеры и лингвисты, в большинстве случаев не знавшие местных языков.

На Реджафской конференции были приняты два важных решения, касавшихся классификации языков и использования латинского алфавита для записи обиходно-разговорных разновидностей арабского (джубайского пиджина) и африканских языков. В отчете о мероприятии указывалось:

«Участники конференции считают, что следующие языковые группы пригодны для развития и что необходимо срочно приступить к подготовке школьных учебников по этим языкам для использования в местных начальных школах Южного Судана: динка, бари, нуэр, лагучо, шиллук, занде. Ачولي и мади относятся к другой категории, так как лишь небольшая группа людей, говорящих на этих языках, живет в Судане, поэтому литература для изучения этих языков должна быть получена из других источников. Необходимо признать, что в дошкольных учреждениях все равно может потребоваться использование других языков. В определенных населенных пунктах, где использование другого языка нецелесообразно, может применяться также обиходно-разговорная разновидность арабского языка, переданная при помощи латиницы» [Report..., 1928, p. 30].

Таким образом, можно заключить, что Реджафская языковая конференция пропагандировала не только лингвистические, но и политические взгляды – ведь решение об использовании латинского алфавита для записи слов и выражений джубайского пиджина, несомненно, было продиктовано политическими мотивами. В этом отношении орфографические системы и практики не могут рассматриваться как нейтральные проекты, направленные на изложение речи в письменной форме; скорее, они являются идеологически окрашенными символами, имеющими историческое, социальное и культурное значение. Как указывает Джон Спенсер Тримингем, «на Реджафской языковой конференции правительство отказалось от идеи сделать арабский языком официального делопроизводства и выбрало вместо него английский. Если бы был выбран арабский язык, ничто

не остановило бы распространение ислама» [Trimingham, 1948, p. 39]. Следовательно, выбор английского языка и использование латинского алфавита являлись звеньями одной цепи и были нацелены на ограничение влияния ислама и устранение любых возможностей для использования арабского языка.

Одним из последствий тех решений, которые были приняты на Реджафской конференции, стало создание видимости формирования отдельных лингвистических общностей в результате разделения языков на группы, что способствовало установлению границ каждого языка. Как правило, для регламентирования определенных языковых границ, совпадающих с границами проживания этносов, в качестве двух важнейших социальных и культурных факторов используются местная система образования и лингвистическое описание. Однако в Южном Судане такие границы были проведены искусственно, и в этом смысле изучение особенностей многоязычия в регионе сводилось к рассмотрению «настоящих языков», подлежавших подсчету и контролю, без учета разнообразных диалектов, говоров и наречий.

Более того, еще до начала конференции 1928 г. было проведено обширное исследование южных языков Судана, выявившее, в частности, что многие языковые разновидности, которые первоначально считались миссионерами и колониальными чиновниками отдельными языками, на самом деле являлись диалектами или вариантами других языков, с которыми их объединяло общее происхождение. На этот факт в своей вступительной речи обратил внимание председатель Реджафской языковой конференции: «Нет никаких сомнений, что некоторые языки, условно отнесенные к категории отдельных, в действительности представляют собой локальные варианты общепринятой формы речи, а названия, под которыми они известны, даны им по обозначению племени, а не языка» [Report..., 1928, p. 10].

Вопросы вариативности и взаимопонятности языков были всесторонне обсуждены и проанализированы участниками конференции еще до выработки концепции классификации языков в Южном Судане. Принцип, лежавший в ее основе, гласил, что из множества языков, являвшихся общепонятными для большинства местных жителей, один будет выделен для дальнейшей его стандартизации с целью использования в качестве языка обучения. В отчете указывалось: «Если два местных языка настолько тесно связаны, что люди, говорящие на одном языке, могут легко понимать другой, один из них должен быть утвержден для образовательных целей» [Ibid., p. 9].

Таким образом, принцип разделения южносуданских языков на группы, основанный на их взаимопонятности, был чрезвычайно поверхностным, так как при его реализации затрагивалась лишь малая часть богатого языкового наследия Южного Судана.

Реджафская конференция стала важной вехой в истории Южного Судана: именно на ней впервые был выработан единый научный подход к описанию сложной языковой ситуации в стране, составлена ее лингвистическая карта, зарегистрированы все основные языки и диалекты, определено количество их носителей. Конгресс объединил ведущих экспертов из Европы и соседних стран, таких как Уганда и Конго, и до сих пор считается крупнейшим мероприятием такого рода в Южном Судане. Влияние этой конференции на языковую политику страны ощущается по сей день.

Результаты конференции высоко оценил директор колониального департамента образования во время одного из своих редких визитов на юг страны (его постоянная резиденция находилась в Хартуме):

«Реджафская языковая конференция и участие в ней докторов Вестерманна и Такера упорядочили хаос, в котором находились южные разговорные языки: решение об отборе и продвижении определенных языков, выбор этих языков, предложения по стандартизации их орфографии заложили согласованную основу для языковой политики, которая сохраняется в настоящее время» [Rondyang, 2007, p. 78].

По итогам конференции была сформирована официальная языковая политика, включившая пять основных программ:

- Разработка на основе латинского алфавита единой орфографии для сформированных языковых групп коренных народов Южного Судана, одобренных для использования в обучении;
- Издание учебников, букварей и дополнительных материалов для южносуданских школ. Решение этой задачи было поручено правительству и миссиям, которые несли совместную ответственность за ее выполнение;
- Усовершенствование лексикографии, требующее пересмотра существующих словарей и грамматик по выбранным языкам, и составление новых лексикографических пособий, основанных на едином орфографическом стандарте;
- Создание педагогических институтов, в которых приоритет будет отдаваться преподаванию автохтонных языков (эта программа начала реализовываться с середины 1920-х гг. и продолжалась после 1930-х гг., когда вступила в силу «Южная политика»);
- Учреждение в г. Джуба Бюро публикаций с целью внедрения положений языковой политики, принятых на Реджафской конференции. Для его издательской деятельности должны использоваться частные типографии, принадлежащие христианским миссиям на юге. (Позже Джубайское бюро публикаций стало основным центром координации политики арабизации в образовательной системе Южного Судана.)

Для дальнейшего укрепления новой языковой политики в Южном Судане были даны следующие рекомендации:

1. Использовать местные языки в первый и второй годы обучения в начальной школе.
2. Преподавать английский язык в качестве отдельного предмета в первый и второй годы обучения в начальной школе.
3. Ввести английский в качестве языка обучения с третьего года начальной школы.
4. Запретить использование арабского языка в качестве средства коммуникации в системе образования и в официальном общении.
5. Принимать на работу в государственные учреждения только лиц, говорящих не на арабском.
6. Увольнять арабоязычных служащих с административных постов и заменять их южанами [Mugaddam, 2013, p. 182–183].

ИТОГИ «ЮЖНОЙ ПОЛИТИКИ» И ЕЕ ОТМЕНА

Таким образом, «Южная политика» всецело основывалась на вышеуказанных принципах и была направлена на исключение «негроидного» юга из жизни арабского севера. При этом использование понятия «негроидный» в колониальной «Южной политике» отражало расистскую идеологию в западной общественной мысли конца XIX в. Северный и Южный Судан утвердились как политические образования в результате разделения суданцев по этнической, языковой, религиозной и культурной линиям. В целях укрепления коллективного самосознания колониальная администрация не приветствовала поиск и обнаружение сглаживавших противоречия черт сходства между народами, таких как общий язык и культура, а, напротив, акцентировала внимание на различиях, даже если на самом деле они не существовали [Manfredi, 2017, p. 6].

Продвижение английского языка в Южном Судане было продиктовано не только желанием заменить арабский в качестве государственного языка на английский (например, для обмена корреспонденцией и подготовки отчетной документации), но и стремлением вытеснить его из употребления в качестве лингва франка региона. Основная проблема заключалась в практической реализации этого социолингвистического проекта. Несмотря

ря на усилия колониальной администрации, английский стал языком межнационального общения только для образованных жителей Южного Судана. Подобный итог предсказывал в своем докладе, опубликованном спустя шесть лет после внедрения «Южной политики», британский инспектор образования в Южном Судане: «Английский будет языком образованного коренного населения, открывающим перспективы для дальнейшего обучения. Это будет грамотный литературный английский язык» [Rondyang, 2007, p. 103]. Однако в пределах всей страны число англоговорящих – с момента утверждения в 1928 г. английского в качестве языка обучения и в 1930 г. как официального языка колониальной администрации в Южном Судане – не увеличилось пропорционально росту говоривших на автохтонных языках или даже на арабском.

Хотя английский был фактически введен в речевой оборот Южного Судана в принудительном порядке, колониальные правители в то же время не считали себя вправе навязывать коренным народам определенный лингва франка и диктовать или предписывать им, на каком языке общаться друг с другом. Как указывалось в вышеупомянутом докладе инспектора южного образования, южанин «может выбрать самый подходящий язык для него с минимальными усилиями. Это может быть суахили в случае укрепления связей с югом» [Ibid., p. 103]. Данный вывод стал кульминацией продолжительной дискуссии, развернувшейся вокруг создания для Южного Судана лингва франка в образовательных целях – подобно суахили в Уганде, Кении и Танзании или хауса в Северной Нигерии. Все разногласия были урегулированы на Реджафской языковой конференции, в отчете которой говорилось, что, за исключением областей, где роль лингва франка играет один из местных языков (как, например, в Западном Бахр-эль-Газале), разработка и введение в школах третьего языка в дополнение к родному и английскому не требуются.

В 1938 г. суданское националистическое движение «Конгресс выпускников», имевшее заметное влияние в Северном Судане, выразило обеспокоенность «Южной политикой», приводившей к разделению страны на две части. Оно направило британскому правительству ноту, составленную на английском языке, в которой потребовало унифицировать систему образования по всей стране. То есть английский язык, который британцы в течение долгого времени старались привить суданцам, в данном случае использовался местной интеллигенцией в качестве инструмента борьбы с самим колониальным режимом.

Вслед за этим по стране прокатилась волна протестов, вызванных недовольством политикой Великобритании в Судане, поэтому колониальная администрация вскоре приняла решение отменить «Южную политику» и объединить Северный и Южный Судан, передав власть в руки суданцев. Для обсуждения этого процесса и подготовки к передаче власти Великобритания организовала ряд конференций, некоторые из которых проходили на юге страны, в том числе Конференцию о политическом развитии Южного Судана, состоявшуюся в 1947 г. в Джубе, собравшую большое количество южных представителей и посвященную в том числе вопросам образования и языковой политики. Одной из ее целей стало принятие мер по обеспечению эффективного социально-политического развития региона, отличавшегося от других частей Судана расовой принадлежностью, традициями, обычаями и языком [Proceedings..., 1947, p. 4]. Утверждалась единая образовательная программа для севера и юга, инициировалось преподавание языков в отдаленных сельских школах, а арабский и английский вводились в начальной, средней и в миссионерских школах. Кроме того, были определены языки для их использования в работе Законодательного собрания – арабский и английский.

Живой отклик южан вызвало принятие одинаковых образовательных программ для всех регионов страны. Так, некоторые жители юга считали, что сначала ученики должны научиться читать и писать на родном языке, а затем продолжить изучение других, и

выражали сомнение в возможности усвоения арабского и английского в начальных классах школы. Кроме того, южане настаивали на более равномерном распределении учителей между севером и югом, причем с перевесом в сторону последнего, чтобы помочь местным жителям догнать своих северных соседей и наверстать упущенные образовательные возможности [Ibid., p. 24]. В конце концов, было принято решение оставить все эти вопросы на усмотрение директора колониального департамента образования.

В 1946 г. прекратилось действие Указа о закрытых районах, что привело к усилению миграции северных торговцев на юг страны и открытию здесь мечетей и коранических школ. Этот период считается наиболее важным для начала взаимодействия северных и южных культур, языков и религий. Законодательное собрание начало работу в конце 1948 г. и вынесло резолюцию, согласно которой арабский язык был объявлен государственным для всей страны. В Южном Судане он заменил английский во многих официальных сферах и стал языком обучения и делопроизводства.

Таким образом, несмотря на многочисленные меры, принимавшиеся британцами для распространения английского языка на территории Южного Судана, все попытки исключить арабский язык из обращения и заменить его автохтонными языками и английским были обречены на провал. Вместо этого арабский язык (как в литературной, так и в обиходно-разговорной форме) стремительно распространялся в качестве второго или третьего языка. Этому способствовали также отмена «Южной политики» в 1946 г., прекращение британского правления в Южном Судане в результате обретения Суданом в 1956 г. независимости, приход к власти арабоязычной суданской элиты и последовавшая за этим арабизация в качестве официальной языковой политики.

Хотя независимость Судана была официально провозглашена в 1956 г., первые признаки арабизации появились здесь еще при переходном правительстве (1951–1955), которое начало предпринимать попытки внедрения целенаправленной языковой политики. Так, в 1951 г. оно сформировало первый пятилетний план развития образования в Южном Судане, включавший в себя четыре этапа:

1. Использование букв арабского алфавита для записи разговорных языков Южного Судана.
2. Национализация образовательной системы Судана, ранее находившейся в ведении христианских миссионерских обществ.
3. Объединение двух образовательных систем.
4. Разработка программ новых педагогических институтов и издание книг и учебных материалов на арабском языке.

В результате была заложена основа языковой политики и арабизации в Судане на следующие 50 лет. Однако даже крупномасштабная программа арабизации не смогла объединить Южный и Северный Судан. Причины разъединения в первой половине XX в. не в последнюю очередь кроются в неоднородной языковой политике метрополии, поддерживавшей развитие арабского языка и арабской культуры на севере страны и одновременно способствовавшей развитию английского и защите автохтонных языков на юге. При этом джубайский пиджин-арабик, распространившийся к середине XX в. по всему Южному Судану, чаще всего вообще игнорировался колониальным режимом, предпочитавшим не замечать его популярности среди местного населения.

В заключение необходимо отметить, что в 2011 г. Южный Судан провозгласил свою независимость, отделившись от Республики Судан и отказавшись от арабского языка на официальном уровне. В качестве государственного был выбран английский, привнесенный на его территорию британскими колонизаторами еще в начале XX в., так что последствия «Южной политики» все еще отчетливо заметны в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Abdelhay A., Makoni B., Makoni S., Mugaddam A. The Sociolinguistics of Nationalism in the Sudan: the Politicisation of Arabic and the Arabisation of Politics. *Current Issues in Language Planning*. Abingdon: Routledge, 2011. Pp. 457–501.
- Abdelhay A., Abu-Manga A., Miller C. Language Policy and Planning in Sudan from Local Vernaculars to National Languages. *Multidimensional Change in Sudan (1989–2011): Reshaping Livelihoods, Conflicts and Identities*. New York: Berghahn, 2015. Pp. 263–280.
- Abdel-Rahim M. *Fourteen Documents on the Problem of the southern Sudan*. Khartoum: Ministry of Foreign Affairs, 1965.
- Deng F. *War of Visions: Conflict of Identities in the Sudan*. Washington, DC: Brookings Institution, 1995.
- Dhahawi S. The Politics of Language, Identity Construction and State-Building that Divided the Sudan into Two States: A Critical Analysis. *Proceedings of 72nd the IIER International Conference*. Melbourne: IIER Press, 2016. Pp. 10–17.
- Malwal B. *People and Power in Sudan – the Struggle for National Stability*. London: Ithaca Press, 1981.
- Manfredi S., Tosco M. Juba Arabic (Arabi Juba): a “Less Indigenous” Language of South Sudan, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/320907949_Juba_Arabic_Arabi_Juba_a_less_indigenous_language_of_South_Sudan. (accessed: 01.02.2019).
- Mugaddam A. An Overview of Language Policy and Planning in Sudan. *Language Policy in Africa: Perspectives for Cameroon*. Kansas: Miraclaire Academic Publishing, 2013. Pp. 179–192.
- Proceedings of the Juba Conference on the Political Development of the Southern Sudan*. Juba: Sudan Government, 1947.
- Report of the Rejaf Language Conference*. London: Sudan Government, 1928.
- Rondyang H. *The Role of Indigenous Languages in Southern Sudan: Educational Language Policy and Planning*. London: University of London, 2007.
- Sanderson L., Sanderson N. *Education, Religion and Politics in Southern Sudan, 1899–1964*. London: Ithaca, 1981.
- Trimingham J. *The Christian Approach to Islam in the Sudan*. London: Oxford University Press, 1948.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЛИНОВ Андрей Андреевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Andrey A. BLINOV, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.